

УДК 81'33
ББК 81.0

С.Г. Николаев

ФЕНОМЕН БИЛИНГВИЗМА: ПРОБЛЕМАТИКА И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья представляет собой обоснование необходимости углубленного интегративного осмысления феномена билингвизма в современном мире. Осмысление это должно опираться на последние достижения лингвистики и производиться на стыке со смежными с нею науками – социологией, когнитологией, pragmatикой, психологией, трансляторией, теорией художественного текста, историей коммуникации.

Ключевые слова: монолингвизм, билингвизм/двуязычие, мультилингвизм, первый язык, вторые языки, переключение кода, смена языка, аспектизация проблематики билингвизма.

Николаев Сергей Георгиевич – докт. филол. наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии факультета филологии и журналистики Южного федерального университета

Тел.: 237-03-75

© Николаев С.Г., 2013.

В начале 60-х гг. прошлого столетия Б.А. Ларин с поразительным научным предвидением писал: «В наше время однозычность отступает на широком фронте перед двуязычностью и многоязычностью. Широчайший международный культурный обмен, разнообразные и возрастающие связи ведут ко все большему распространению двуязычия» [Ларин, с. 92].

За прошедшие полвека названным процессам суждено было развиваться и далее, причем в последние двадцать лет с особой интенсивностью и широтой. В ходе этого развития они принимали все новые формы, проявляясь в самых неожиданных – хотя, по сути, достаточно предсказуемых – сферах и ситуациях (здесь можно назвать только интернет-коммуникацию), пока окончательно не превратились в неотъемлемую часть жизни общества и индивида, ставшую нормой этой жизни.

Сегодня, когда накоплен определенный и, в общем, немалый объем самых разнообразных практических сведений и теоретических знаний в области билингвальной коммуникации, с полным основанием можно утверждать, что «билингвизм не есть явление языка, но особенность его использования. Это не признак кода, но признак сообщения. <...> Если язык трактуется как атрибут сообщества, то билингвизм есть атрибут индивида» [Mackey, р. 22. Здесь и далее перевод с английского наш. – С.Г.]. Уже из этих на первый взгляд не самых сложных постулатов, логически следующих друг за другом, можно вывести, насколько неоднозначным, многогранным,

многоаспектным, полифункциональным и в то же время относительно автономным явлением выступает в современном мире многоязычие.

Билингвизм, в большинстве случаев трактуемый как способность и возможность индивида попеременно применять навыки владения двумя языками в зависимости от требований данной коммуникативной ситуации, – явление крайне неоднозначное, хотя и существующее издревле, т. е. имеющее свою историю и обширный опыт. В последние десятилетия билингвизм вполне решительно заявил о себе как об условии интеллектуально-профессионального выживания в современном мире.

И все же билингвизм во многом пока изучен недостаточно, неполно. Рассматривать его следует как феномен, требующий комплексного, разностороннего, многоаспектного, фундаментального исследования и самых серьезных, нетривиальных подходов. В этом смысле ценными представляются любые глубокие, ни в коем случае не нацеленные на сиюминутный, непосредственный результат изыскания, так или иначе связанные с научным осмысливанием многочисленных практик билингвальной коммуникации вне зависимости от той конкретной области знаний, в которой базируется их естественный познавательный центр. К таким областям знаний отнесем психологию личности и общества, этнографию, культурологию, образование (в педагогическом и методическом его аспектах), социологию.

Уже в определении базового понятия ко второй половине XX в. установились две немаловажные тенденции. Во-первых, двуязычие противопоставлялось одноязычию, или монолингвизму, и отделялось от последнего; во-вторых, оно связывалось с многоязычием, или полилингвизмом, спорадически идентифицируясь с ним.

Однако если билингвизм отличался от монолингвизма естественным образом и сам факт «разведения» в науке этих явлений не требовал особых доказательств, поскольку был очевиден, то сложнее дело обстояло с необходимостью и целесообразностью (познавательной оправданностью) различия билингвизма и многоязычия. Важным этапом в развитии отечественной лингвистики в направлении дальнейшей конкретизации проблемы поэтому явились четкая дифференциация двуязычия и многоязычия, отъединение этих смежных, но принципиально разнотипных феноменов друг от друга: «...социальное значение многоязычия не идет ни в какое сравнение с общественной ролью двуязычия. Многоязычие – довольно редкое явление. Оно не встречается как массовое явление. Не много и полиглотов, хорошо владеющих двумя-тремя десятками языков», – писал Ю.Д. Дешериев в предисловии к одному из ранних отечественных сборников трудов по проблемам двуязычия и многоязычия [Дешериев, 1972, с. 4]. И далее, подчеркивая важность изучения многоязычия в лингвистическом и психологическом аспектах и в то же время настаивая на социальной значимости именно двуязычия, ученый указывал: «Нет основания с социальной точки зрения выдвигать многоязычие на первый план» [Там же].

В теории языка, развивающейся западными исследователями, в последнее время также прочно утвердились мнение о том, что «неизбежным результатом языковых контактов является *мультилингвизм*, который у говорящего индивида чаще всего приобретает форму *билингвизма*» [Crystal, p. 362; дальнейшее оправдание и развитие этой идеи см. там же, p. 362–365].

Не наблюдалось единодушия и в выборе и регулярном употреблении единого, универсального базового термина теории языковых контактов. Тот же Ю.Д. Дешериев призывал использовать иноязычное слово «*билингвизм*», утверждая, что оно «обладает большей словообразовательной возможностью (в русском языке. – С.Н.), чем “двуязычие”» [Дешериев, 1973, с. 15]. Ю.А. Жлуктенко, напротив, принципиально выступал за использование русских (в противоположность тем, что были заимствованы из иностранных языков, ср. французские *bilinguisme*, *bilingue* и соответствующие им русские фонетические кальки) терминов «*двуязычие*», «*одноязычие*», «*многоязычие*» и производных от них прилагательных типа «*двуязычный*», объясняя свою позицию наличием у последних четкой внутренней формы, ясности значения и «легкой соотносимости» с другими русскими терминами лингвистики [Жлуктенко, с. 28].

Нам спор о терминологических предпочтениях представляется по преимуществу искусственным. Слово «*билингвизм*» (от латинских *bi* ‘два’ и *lingua* ‘язык’) обладает в восприятии субъекта, говорящего на европейском языке, русском в том числе, не меньшей отчетливостью внутренней формы, нежели его точная поморфемная калька «*двуязычие*». Латинская основа присутствует не только во французском *bilinguisme*, но также в испанском *bilinguismo*, английском *bilingualism*, голландском *Tweetaligkeit*, в то время как в немецком языке используется и термин-латинизм *Bilingualismus*, и – чаще – его калька *Zweisprachigkeit*. Кроме этого, разные авторы, писавшие по-русски, постоянно апеллируют к двум терминам, – правда, всегда отдавая предпочтение одному из них в ущерб другому.

Считаем возможным использовать оба термина – *двуязычие* и *билингвизм* – как равнозначные и не имеющие заметных ограничений по идеологическим, или историческим, или стилистическим, или каким-либо иным показаниям.

Проблему билингвизма в человеческом общении трудно отнести к новейшим в ряду тех, на которых фокусируют свое внимание общественные науки, среди них лингвистика. Серьезный исследовательский интерес к *двуязычию* как феномену комплексной природы проявился достаточно давно: первые попытки системного его изучения относятся к XIX в. и связаны с именами западноевропейских ученых Г. Грюнбаума, Эрнста Виндиша (G. Grünbaum, E. Windisch, Германия), Гуго Шухардта (H. Schuchardt, Германия и Австрия) и др. В XX столетии проблемами взаимного влияния языков в условиях социального билингвизма занимались такие выдающиеся российские лингвисты, как И.А. Бодуэн де

Куртене, В.А. Богородицкий, Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, Б.А. Ларин. Принципиально новый толчок разработка проблемы получила с выходом в свет труда американского лингвиста Уриеля Вайнрайха «Languages In Contact» (1953), в котором были заложены прочные, по нынешний день не утратившие своей жизненности основы изучения дву- и многоязычия в рамках общей теории языковых контактов [Weinreich, 1953] (см. также русский перевод [Вайнрайх, 1979]).

В обширной научной литературе, не обязательно лингвистической направленности, но так или иначе, специально или косвенно затрагивающей проблему многоязычия, представлены самые различные определения понятия «билингвизм». Среди них выделяются:

- а) общие дефиниции двуязычия;
- б) дефиниции, конкретизированные по тем или иным признакам;
- в) дефиниции, сосредоточенные на том или ином аспекте исследования.

Общую формулировку, которая отталкивается от сравнения и противопоставления этого феномена явлению монолингвизма, дает, например, Е.М. Верещагин: «Если первичная языковая система определенным членом семьи используется во всех прочих ситуациях общения и если им никогда не используется иная языковая система, то такой человек может быть назван монолингвом <...>. Предположим, что в определенных ситуациях общения употребляется и иная языковая система (вторичная). В этом случае носитель двух систем общения <...> называется билингвом <...>. Относящиеся к первому и второму случаю умения, то есть умения, присущие соответственно монолингву и билингву, называются монолингвизмом и билингвизмом» [Верещагин, с. 19].

Определение, конкретизированное по признаковому фактору, предложил Л.В. Щерба: выделяя «чистое» и «смешанное» двуязычие, к первому он относил существование в сознании говорящего двух языков изолированно друг от друга, без каких-либо сравнений и параллелей [Щерба, с. 6 – 7]. Это положение не может не вызывать определенных сомнений, поскольку в реальном общении оно едва ли подкреплено достаточно надежными фактами такого «раздельного» билингвизма: взаимовлияния в виде межъязыковых интерференций присутствуют всегда. Не исключено, что именно поэтому Л.В. Щерба оговаривал, что чистое двуязычие является отклонением от нормы и может возникнуть лишь в особых условиях [Там же].

При определении понятия «двуязычие» разными учеными использовался ряд подходов, соотносимых с отдельными аспектами явления: социальным, социолингвистическим, собственно лингвистическим, психологическим, психофизиологическим (см., напр., [Черниговская, Балонов, Деглин]), лингводидактическим (из числа наиболее авторитетных западных специалистов в этой области назовем швейцарца Франсуа Грожана, см. [Grosjean, 1985; 1994]). Кроме этого, двуязычие рассматривалось с точки зрения взаимоотношений языка и речи; оно также исследовалось в динамике и статике. Но тремя наиболее важными подходами

к проблеме все же были и остаются социологический, психологический и лингвистический.

Билингвизм с точки зрения психологии индивида и социума определял Е.М. Верещагин. Он определял его как «психический механизм (знания, умения, навыки), позволяющий человеку воспроизводить и порождать речевые произведения, последовательно принадлежащие двум языковым системам» [Верещагин, с. 134]. В целом сходной точки зрения придерживается С.В. Семчинский, когда пишет, что двуязычие есть «сложное объединение двух языковых структур в сознании билингва» [Семчинский, с. 17]. Такой взгляд тоже оставляет широкие возможности для критики, поскольку не только допускает, но и утверждает факт равноправного и независимого функционирования двух языковых систем, полной их координации в сознании говорящего.

Наиболее приемлемым лингвистическим определением билингвизма до сих пор остается дефиниция У. Вайнрайха, с уверенностью заявившего, что это «практика попеременного пользования двумя языками» [Weinreich, 1953, р. 1]. В данной формулировке имеется указание на число языков в речи индивида (два); в ней есть отчетливое определение того, как эти языки могут использоваться (попеременно). Дефиницию Вайнрайха уточняет В.Ю. Розенцвейг, который предлагает понимать билингвизм как «владение двумя языками и попеременное их использование в зависимости от условий языкового общения» [Розенцвейг, с. 4]. Последние из приведенных определений, по нашему мнению, страдают одним важным недочетом: в них снова неявно утверждается паритетное владение двумя языками (или, иначе, игнорируется априорно предпочтительное владение одним из двух языков).

Здесь считаем принципиально важным упорядочить и определить свое отношение к проблеме соотносительного обозначения двух языков при билингвизме. В данном случае нам представляется вполне возможным не прибегать к дискредитировавшим себя в научной литературе понятиям «родной язык» и «неродной язык» (ср. требование Андре Мартина: «Понятие “родной язык”, которое сохраняло бы с самого детства до самой смерти привилегированное положение, нужно решительно отбросить» [Martinet, р. 4]). Мы также отказываемся от описательного сложносоставного термина «доминантный речевой механизм» [Балиашвили, с. 77], который звучит довольно определенно, но при этом громоздко (что признает и его автор – см. там же) и серьезно затрудняет обозначение альтернативного языка. Аналогичным образом именование этого другого языка как «контактного» [Розенцвейг, с. 3] не допускает альтернативы в отношении того национального языка, который выдвинут на первый план.

Не видя серьезных причин к тому, чтобы вводить в обозначения двух неравнозначных языков глубокие характеристики каждого из них, принципиально отличающие один от другого, мы склонны предельно упростить проблему определением одного из двух языков билингва как первого (иногда его также называют первичным – см., напр., [Вереща-

гин], а альтернативный именовать вторым (также именуемый вторичным – см., напр., [Бертагаев, с. 83 и далее]). Слово «первый» используется нами прежде всего для обозначения предпочтения, которое билингв в нейтральной ситуации общения отдает данному языку перед «вторым», но также и в хронологическом смысле, поскольку в большинстве случаев «первый язык» – тот, на котором индивид говорил с детства; это язык, на котором он вообще *начинал* говорить.

Между прочим, подобная маркировка двух языков при билингвизме соотносима с сокращенно-словесным обозначением этих же языков, принятым в современной западной теории обучения языку, где L1 означает первый язык субъекта (“first language”), а L2, соответственно, второй язык субъекта (“second language”).

Считаем, что первый язык всегда, при любых обстоятельствах, бывает только один. Эту истину неожиданно подтверждает проницательная мысль немецкого философа Эрнста Кассирера об освоении взрослым человеком иностранного языка: «На позднейшей и более продвинутой стадии нашей сознательной жизни мы никогда не можем повторить процесс, который впервые ввел нас в мир человеческой речи. <...> Реальная трудность, как это ни парадоксально, состоит не столько в изучении нового языка, сколько в забывании старого» [Кассирер, с. 595].

Вторых же языков, в отличие от первого, может быть больше одного.

Следующим немаловажным соображением будет то, что второй язык при определенных условиях (допустим, в результате длительной эмиграции) может стать первым языком индивида. Но и в таком случае исходная существенно-иерархическая корреляция «первый язык – вторые языки» останется неизменной.

Таким образом, принимая во внимание приведенные общие, признаковые и поаспектные дефиниции билингвизма, мы можем вывести свою формулировку, согласно которой билингвизм, или двуязычие, предлагаем понимать как неравнозначное знание и владение более чем одним национальным языком и неодномоментное пользование ими в каждой конкретной ситуации общения. Один из этих языков является и именуется *первым*, другой – *вторым*.

Теперь наметим – без развернутой детализации присущей каждой из них специфики – основные линии, по которым, по нашему мнению, было бы наиболее продуктивно вести исследования билингвизма на современном этапе развития науки о языке.

На первое место выдвинем проблему *разновидностей (типов) билингвизма*. Вполне естественно, что изначально билингвизм вызывал интерес исследователей прежде всего с позиций своей отнесенности к социуму, т.е. с точки зрения своего функционирования в обществе. Именно на этой стороне двуязычия фокусирует внимание теория языковых контактов, в рамках которой решаются частные вопросы взаимовлияний контактирующих языков – такие, как межъязыковое заимствование, разноуровневая интерференция, особенности развития данного национального языка в условиях билингвизма и т.д.

В отношении индивидуального двуязычия в лингвистике высказывались достаточно категоричные мнения, не допускающие саму возможность существования этой разновидности билингвизма, не признающие его лингвистической природы, а отсюда, соответственно, и значения для говорящего социума. Так, В.А. Звегинцев писал о допустимости существования явлений, порождаемых индивидуальным двуязычием, но при этом утверждал, что такие явления фактами языка признать нельзя [Звегинцев, с. 205].

Сходную точку зрения можно усматривать и в следующем высказывании чешского лингвиста Богуслава Гавранека: «Термин *двуязычие* следует применять лишь к коллективному двуязычию <...>. Индивидуальное двуязычие может стать объектом лингвистического исследования, но лишь как симптом, а не как факт конкретного развития языка» [Гавранек, с. 96].

Индивидуальное двуязычие как правомерную и социально значимую разновидность билингвизма выделяет при рассмотрении социологической типологии явления Е.М. Верещагин. В соответствующем разделе монографии, посвященной рассмотрению психологической стороны двуязычия, он отмечает: «Билингвизм может рассматриваться не только в аспекте обеспечения коммуникации, но и применительно к эмоциональной и особенно поэтической (эстетической) функциям языка» [Верещагин, с. 46].

Далее, с целью определения границ изучаемого явления, следует рассмотреть проблему связи билингвизма со смежными феноменами – как экстралингвистическими, так и собственно лингвистическими. К первым отнесем мультикультурализм как условие, чаще всего сопутствующее и благоприятствующее развитию билингвальной коммуникации. Ко вторым – диглоссию, понимаемую, в духе Ч. Фergusона [Ferguson] и Дж. Гамперца [Gumperz], как явление, при котором в языковом сообществе наличествует (или доминирует) один язык, но регулярно употребляются разные коммуникативные подсистемы – его диалекты и стили, которые применяются в зависимости от социальных функций общения.

Вопрос о смежных явлениях имеет еще и то значение, что его актуализация помогает яснее, определеннее осознать коммуникативную суть билингвизма, которая пребывает в пределах вербальной коммуникации, но осуществляется с принципиальным нарушением границ одного национального языка.

Двумя другими взаимосвязанными, хотя и разными вопросами, сопряженными с теорией билингвальной коммуникации, выступают *переключение кода* (code switching) и *смена языка* (language change). Дело в том, что момент перехода с одного языка на другой в условиях билингвальной коммуникации всегда обусловлен вполне объективными мотивами, основанными прежде всего на стремлении говорящего (собеседника) к более адекватному общению. Однако подобный взгляд на явление способен оказаться упрощенным и ложным в целом ряде случаев,

когда условием для смены кода служат стремления совершенно иного порядка – например, желание говорящего заявить о собственном (более высоком или попросту ином) социальном статусе; стремление к ограничению круга коммуникантов (профессиональная медицинская криптотерапия с привлечением латинского языка); стремление к сокрытию смысла сказанного и переход от коммуникации к квазикоммуникации и т.д.

Смена языка индивида происходит, когда второй язык вытесняет собою первый язык билингва, начинает активно претендовать на роль и место первого языка в жизни и, главное, в сознании говорящего и в конце концов это место занимает (см. выше).

Билингвизм представляет собой чрезвычайно сложное, многогранное явление, системное изучение которого непредставимо без тщательной, но в то же время свободной от излишнего погружения в детали аспектизации. В указанном смысле вполне достоверно выделяется ряд направлений, в которых исследования проводились бы наиболее продуктивно. Разделив проблематику на вопросы преимущественно теоретической и преимущественно практической природы, вкратце охарактеризуем эти направления.

Из числа теоретических вопросов внимание привлекают четыре наиболее актуальных и перспективных.

Социолингвистические аспекты. Вполне естественно, что билингвизм (массовый, коллективный, групповой, семейный и т.д.) давно и, возможно, прежде всего привлекал к себе внимание как явление социальное. Собственно, именно в указанном смысле он составляет значительный сектор в теории языковых контактов.

Психо- и нейролингвистические аспекты. Психология и нейролингвистические основы билингвизма изучаются на основе анализа билингвального поведения индивида – в том, что касается особенностей освоения и дальнейшего использования второго языка; смены языков; остаточных языковых явлений при смене языков; специфики языкового знака при активном/пассивном билингвизме и т.д.

Прагматические аспекты. С точки зрения коммуникативной прагматики индивида билингвизм может быть вовлечен в исследование как метод или даже прием (совокупность приемов, составляющая коммуникативную стратегию) на пути к наиболее оптимальному достижению той или иной цели. С позиций коммуникативной прагматики общества то же явление может изучаться прежде всего как «открытая возможность» для переключения кодов, но также и в рамках конкретного моделирования ситуаций, в которых успешное общение не может осуществляться с использованием только одного национального языка.

Когнитивные аспекты. В данном случае основным предметом исследования выступает сознание билингва, билингвальное мышление как процесс, но также и его результат (продукт). Специфическое языковое поведение рассматривается в системе отношений «внешний мир → восприятие → внутренний мир» индивида. Наверняка иначе – возможно, более интенсивно – «работают» такие традиционные механизмы, как

внимание, торможение, отбор, требуемые для адекватного конструирования в едином сознании двух (различных) языковых картин мира.

Вопросы преимущественно практической природы могут быть перечислены следующим образом:

Билингвизм и освоение иностранных языков (в современной западной, англоязычной традиции SLA – *second language acquisition*). К настоящему моменту в данном направлении уже накоплена достаточно обширная литература, причем как в западной, так и в отечественной науке. Однако открытыми по-прежнему остаются проблемы практического характера, связанные с естественной межъязыковой интерференцией, системным анализом ошибок обучающихся (эрратология), фосилизацией (негативное языковое «окаменение» как результат сохранения и удержания в речи учащихся тех или иных особенностей первого языка).

Билингвизм и проблемы перевода. Двумя типами языковой личности, относимыми к профессиональным (в отличие от естественных) билингвам, являются преподаватель иностранного языка, для которого преподаваемый язык выступает вторым, и переводчик. Фигура переводчика представляет интерес сразу с нескольких точек зрения: это, во-первых, процесс устного спонтанного перевода, чья специфика обусловлена взаимном расположением первого-второго языков в схеме «исходный код – целевой код» и их сменой; во-вторых, это письменный текст как результат вполне определенного творческого процесса и его обусловленность личностью переводчика; в-третьих, это продолжающиеся взаимоотношения нового текста на новом языке с текстом оригинала.

Билингвизм и художественная речь. Индивидуальный творческий билингвизм может рассматриваться в двух параллельных, не пересекающихся друг с другом по своей природе и функциям ракурсах. Во-первых, данная разновидность двуязычия поддается обсуждению с точки зрения художественного текста, т.е. в его отношении к этому тексту. Во-вторых, здесь возможен не менее значимый анализ билингвизма с позиций творческого литературного контекста конкретной личности, т.е. в его отношении к творчеству данного писателя или поэта. В двух указанных смыслах билингвизм обнаруживается в биографии и наследии многих писателей и поэтов – как зарубежных, так и российских; как классиков, так и современников.

Вполне понятно, что приведенная аспектизация вполне может считаться, допустим, условной по своему содержанию, но также и по числу составляющих ее аспектов. Так, изучение проблем билингвизма может вестись одновременно в едином продуктивном интерфейсе когнитологии и pragmatики; психолингвистический взгляд послужит необходимой основой при решении проблем усвоения второго языка; проблемы перевода и, с другой стороны, языковая специфика художественного высказывания в нашем случае также не вступают во взаимное противоречие, но могут составить единое познавательное поле, и т.д.

Представленный список потенциальных направлений может быть без особых усилий расширен за счет «смежных областей» – например, исторической билингвологии, изучающей длительный, богатый, а потому чрезвычайно ценный и поучительный опыт билингвальных видов деятельности – как спонтанной, так и подготовленной, профессиональной – в истории человечества.

В заключение нелишне было бы напомнить: билингвизм нельзя рассматривать как статическое и/или унитарное (цельное) явление. На практике он существует в различных формах и проявлениях и меняется в зависимости от множества исторических, культурных, политических, экономических, экологических, религиозных, психологических и иных факторов. Отношение к билингвальному поведению в обществе будет также претерпевать известные изменения в зависимости от развития мирового сообщества и от расширения наших представлений о билингвальных способностях индивида. При этом несомненным остается следующее: число билингвов в мире постоянно растет, а значит, билингвизм будет характерной особенностью человека общественного на протяжении всей истории его существования, включая и грядущие века.

Литература

- Балиашвили Т.С.* Интерференция как проблема двуязычия. Тбилиси, 1988.
- Бертагаев Т.А.* Билингвизм и его разновидности в системе употребления // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
- Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1969.
- Гавранек Б.* К проблематике смешения языков // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972.
- Дешериев Ю.Д.* К методологии, теории билингвизма и методике билингвистических исследований // Методы билингвистических исследований /Институт языкоznания АН СССР. М., 1973.
- Дешериев Ю.Д.* Предисловие // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
- Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. Киев, 1974.
- Звегинцев В.А.* Очерки по общему языкоznанию. М., 1962.
- Кассирер Э.* Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Кассирер Эрнст. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
- Ларин Б.А.* О филологии близкого будущего // НДВШ. Филол. науки. 1963. № 1 (21).
- Розенцвейг В.Ю.* Языковые контакты. Л., 1972.
- Семчинский С.В.* Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточно-романских языковых контактов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Киев, 1973.
- Черниговская Т.В., Балонов Л.Я., Деглин В.Л.* Билингвизм и функциональная асимметрия мозга // Уч. зап. ТГУ. Труды по знаковым системам. Т. XVI. 1983.

Щерба Л.В. Очередные проблемы языковедения // *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкоznанию и фонетике. Т. I. Л., 1958.

Crystal, David. The Cambridge Encyclopedia of Language. Second Edition. Cambridge University Press. 2003. 480 p.

Ferguson, Ch. Diglossia // Word. 1959. № 4.

Grosjean, F. The bilingual as a competent but specific speaker-hearer // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1985. 6 (6).

Grosjean, F. Individual bilingualism // R.E. Asher & J.M. Simpson (eds). The Encyclopedia of Language and Linguistics (Vol. 3). Oxford: Pergamon. 1994.

Gumperz, J. Linguistic and social interaction in two communities // American Anthropologist. 1964, Vol. 66. № 4.

Mackey, William F. The Description of Bilingualism // The Bilingualism Reader. Routledge. London & New York. 2001.

Martinet, André. Éléments de linguistique générale. Paris: A. Colin. 1967.

Weinreich, U. Languages in Contact. Findings and Problems. New York, 1953.